

Ирина Мельникова

ОТ НЕНАВИСТИ
ДО ЛЮБВИ

Москва

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ОТ НЕНАВИСТИ
ДО ЛЮБВИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 От ненависти до любви : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225049-1

У Марии Лазаревой совсем не женская должность — участковый. Но она легко управляется и с хулиганами, и с серьезными преступниками! Вот только неведомая сила, которая заманивает людей в тайгу, лишает их воли, а потом и жизни, ей неподвластна... По слухам, это происки шамана, охраняющего золотую статую из древнего клада. На его раскопках погибли Машины родители, но бабушка почему-то всегда отмалчивалась, скрывая обстоятельства их смерти. Что же хозяйничает в тайге: мистическая власть шамана или злая воля неизвестных людей? Маша надеется, эту тайну ей поможет раскрыть охотник из Москвы Олег Замятин. В возникшем между ними притяжении тоже немало мистики...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225049-1

© Мельникова И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

— У меня все хорошо! Очень хорошо! Лучше некуда!

Каждое утро, смотрясь в зеркало, я твержу эти слова — даже тогда, когда вижу растрепанную полусонную особу с темными кругами возле глаз, иногда с синяком, а сейчас вот с разбитой губой.

Вечером пришлось унимать драку на свадьбе, а затем, уже глубокой ночью, сопровождать двух зачинщиков в район. Один из них, Гришка Степанов, съездил мне по физиономии, а потом всю дорогу заливался пьяными слезами, клялся в вечной любви и тут же толкал локтем под ребро своего обидчика, Сашку Корнеева.

Наконец мне надоели плаксивые вопли, матерки и возня за спиной, и я приказала Гришке перебраться на сиденье рядом с водителем, а сама заняла его место. Перегаром тут воняло сильнее, добавьте к нему не вполне приятный запах пота и сможете представить мои душевные муки.

Но такова моя профессия. Поэтому я просто опустила стекло и вдохнула теплый ночной воздух. «Нива», за рулем которой сидел мой лучший дружинник Сева Пospelов, с трудом преодолевала колдобины лесной дороги, разбитой тяжелыми грузовиками. Машину раскачивало и бросало из стороны в сторону, но я привыкла к нашим дорогам и насла-

ждалась свалившейся на меня возможностью хоть ненадолго отвлечься от текущих проблем.

Запахи цветущей тайги — черемухи и рябины, медвежьей дудки и смородины — не просто расслабляли и завораживали. Они мгновенно вытеснили вонь. И хотя в машину тут же налетели комары, стекло я поднимать не стала. Все-таки от комаров можно отбиться, а от густого перегара одно средство — противогаз.

Сашка, лишившись соперника, притих и даже засвистел носом. Гришка же продолжал возиться и поскуливать.

— Заткнись! — не выдержал Сева и для остротки ткнул его кулаком в бок.

— Марья! Марья Владимировна! — Гришка с трудом развернулся на сиденье и отвлек меня от созерцания неба, щедро усыпанного звездами. — Сними наручники, а? — прогнусавил он и горестно шмыгнул носом. — Страсть как руки затекли.

— Они б затекли, когда на свадьбе махался, — ехидно заметил Сева и, резко вывернув руль, объехал огромную, отсвечивавшую свинцом лужу.

— Осторожнее! — вскрикнул Гришка.

— Не сдохнешь! — весело отозвался Сева. — Тепленьким в «обезьянник» доставим.

— Марья! Ты серьезно? За простую «хулиганку» на нары? Да я...

Гришка поперхнулся и, кажется, на мгновение потерял дар речи.

Даже в темноте было заметно, как заблестели его глаза. Поплакать он, конечно, мастак, особенно под пьяную лавочку. Но я — стреляный воробей, на такие уловки не поддаюсь.

— Серьезно! — сказала я сердито. — Достал ты, Гришаня, село своими выходками. Драку я оформила протоколом, куча свидетелей имеется, что ты на меня с кулаками набросился. И вещественные

доказательства у меня на лице. Говорила же, не лезь!

— Марья! — Гришка, похоже, окончательно протрезвел, потому что смотрел на меня более осмысленно, а язык у него перестал заплетаться. — Да я... да ты.... Да кто тебя обидит, тот три дня не проживет!

— Точно! — опять засмеялся Сева. — Лучше нашу Марию не трожь, когда она в форме. А если без формы, то и вовсе не подходи. Так врежет, мало не покажется! — И, видно, непроизвольно приложил ладонь к уху.

Я усмехнулась про себя. Было дело, Сева пострадал от моей затрещины. На моем участке он самый богатый предприниматель. Держит два магазина: один в селе Марьясово, второй — в Безенкуле, на другом берегу реки. Теперь Сева — мой первый друг и помощник, а когда-то мы долго и безнадежно конфликтовали. Я едва не упрятала его за решетку за систематическое спаивание односельчан фальсифицированной водкой. В деревне ее называют «шмурдяком». Сева завозил ее в свои магазины цистернами.

В конце концов мы пришли к негласному соглашению: Сева помогал мне ликвидировать все нелегальные пункты продажи спиртного, а я закрывала глаза на то, что он торговал обычной водкой в ночное время.

Но имелось еще одно обстоятельство, которое заставило Севу протянуть мне руку дружбы. Сева влюбился. В меня. Несмотря на то что я изрядно расшатала ему нервы. Не зря говорят: «От любви до ненависти — один шаг». В нашем случае получилось наоборот. Ненависть незаметно переросла в любовь. Но только с его стороны. Я же не смогла ответить ему взаимностью. Впрочем, и не пыталась.

С чувствами у меня напряженка, но влюбиться в

Сева? Нет! Ни за что! Меня вполне устраивают его дружба, готовность всегда прийти на помощь, но лечь с ним в постель? Брр! Даже озноб пробрал, когда я представила, как он обнимает меня. Не знаю почему, но одно предположение, что я могу вступить с ним в более близкие отношения, вызывало отвращение. Хотя, поверьте, Сева этого не заслуживал.

Внешне он очень прилично выглядел: крепкий, высокий, одной рукой раз двадцать выжимал пудовую гирию. И невесту подыскал бы себе достойную даже в городе, не говоря уж о нашем селе. А увивался возле меня, и с каждым днем мне становилось все труднее и труднее делать вид, что не замечаю ухаживаний. Что поделаешь, если я терпеть не могла белобрых парней, да еще если у них тело густо покрыто веснушками, а ресницы и брови и вовсе смахивают на щетину молодого поросенка. Но, скорее всего, это оправдание моего прохладного отношения к мужикам вообще, и к Севе в частности.

Честно сказать, иногда я даже пользовалась его светлыми чувствами, вот как сегодня, например. Везти задержанных ночью на мотоцикле с коляской — гиблое дело. А Севе только свистни. Он даже джип свой не жалел для милицейских нужд, но сегодня я сама предложила добраться до райцентра на «Ниве», чтобы Гришаня на пару с Сашкой не загадили салон дорогого автомобиля.

Я поехала — все-таки ночная сырость пробрала до костей. Впопыхах я забыла прихватить плащ и отправилась в путь в курточке, которую обычно носила вместо кителя. Я постаралась перевести мысли в другое русло, но они почему-то меня не послушались.

Видно, так и умру в девках: надо же, самый привлекательный во всех отношениях жених нашего околотка абсолютно не интересуется меня как мужчи-

на. Поначалу я думала, что в моем организме произошли какие-то сбои на почве несчастной любви, но потом догадалась, что это издержки профессии. Ведь зачастую я наблюдала наших мужиков в самом неприглядном виде — напившихся до поросячьего визга, грязных, облеваных, с размазанной по лицу кровавой юшкой. Видела их замордованных жен, перепуганных детей. Несомненно, мне не хотелось превращаться в жалкое затравленное создание. Ради чего ломать жизнь? Чтобы иметь рядом с собой существо, чье достоинство заключается в умении строгать детей и приносить домой вместо денег одни неприятности?

Конечно, Сева не шел ни в какое сравнение с этими типами. Он не пил, не ругался матом, не размахивал кулаками. И дом себе построил, чуть ли не самый большой и красивый в районе. И машин у него не одна, не две, а пять.

У меня в наличии только служебный мотоцикл, но пользовалась я им крайне редко. Свой участок я предпочитала объезжать верхом — на таежные заимки и метеостанцию иначе не пробиться. Мой Воронок знает все козьи тропы в округе. А на занятия в школу я езжу на велосипеде.

Зимой я иногда запрягала Воронка в сани. Но он этого не любил, мог заупрямиться и встать посреди дороги. Тогда уж — ни тпру ни ну! Очень упрямый, подлец, но я его понимаю: гордость не позволяет превращаться в ездовую лошадку, ведь когда-то Воронок брал призы на областном ипподроме.

Поэтому зимой я часто встаю на лыжи. Меня никто не принуждает рисковать жизнью в пургу и стужу, но я все-таки пару раз в месяц выбираюсь в дальние деревушки, чтобы их обитатели не забывали: капитан милиции Мария Лазарева всегда на посту.

Гнусавый Гришкин речитатив снова отвлек меня

от копания в собственных проблемах. И слава богу! Этот процесс мог завести в такие дебри!

— Марья! — затянул свою песню Гришка. — Сними наручники! Куда я сбегу в такую грязюку?

— Ладно, — согласилась я, чтобы не слушать его вопли. — Давай сюда лапы!

Гришка с готовностью задрал руки вверх, и я сняла с него наручники.

— Ох ты! — выдохнул Гришка и принялся растирать запястья с такой откровенной радостью, словно только что избежал казни на электрическом стуле.

Сашка продолжал сопеть носом и всхрапывать. Хотя по характеру он менее буйный, чем Гришка, я решила не будить его и оставить в наручниках. Спит — и пусть спит. Быстрее протрезвеет. Мне тоже не мешало вздремнуть. По той причине, что днем выспаться вряд ли получится. Я закрыла глаза. Но то ли не прошло возбуждение после схватки на свадьбе, то ли ночные мысли меня растревожили — вздремнуть не получалось. К тому же Гришка никак не унимался. Теперь он принялся кланчить сигарету у Севы. И не успокоился до тех пор, пока тот не бросил ему на колени пачку «Кента» и зажигалку.

— Только две, — предупредил Сева Гришку. — Арестантам больше не положено! Привыкай помаленьку!

— Я тебе не арестант! Я — задержанный, — напыжился Гришка. Избавившись от наручников, он вновь обнаглел до крайности. — Я в прокуратуру жаловаться буду. За избиение, — он вытянул руки вперед, — и наручники.

— Чего? — рявкнул Сева и неожиданно резко остановил машину.

Сашка стукнулся лбом о спинку переднего сиденья, что-то замычал и выпрямился, тупо мотая головой и издавая нечленораздельные звуки.

— Сева! — крикнула я сердито. — Предупреждать надо, когда тормозишь!

От Сашкиной участи меня спасла хорошая реакция: я вовремя ухватила за спинку.

Но Сева меня не услышал. Он сцапал Гришку за грудки и притянул к себе:

— Это на кого ты жаловаться будешь, гнида воющая? На меня или на Марию?

— Да я чего? Я ничего, — залопотал Гришка, стараясь оторвать Севины руки от своей рубашки. — Пошутить нельзя, что ли?

— Брось его! — приказала я. — Куда он побежит?

— Пусть живет!

«Нива» снова помчала нас сквозь тайгу, навстречу серенькому рассвету.

Небо все светлело, светлело на горизонте, пока сквозь утреннюю мглу не пробилась первая лучи солнца. Они залили золотом верхушки деревьев. Все вокруг заиграло, запело, затанцевало. Тайга плавно уступила первенство березовым рощам, которые разлеглись на невысоких холмах вперемешку с сосновой порослью. В высоком разнотравье полыхали жарки, точно капли глазури светились незабудки, вдоль дороги желтели одуванчики и «куриная слепота». А в поднебесье заливался жаворонок. Я очень люблю раннее утро, когда все вокруг ликует от радости. Темнота отступила, и вновь светит солнышко, синее небо, а шапочки одуванчиков схожи с облаками, которые повисли над дальними горами.

— Рассвело! — вздохнул рядом со мной проснувшийся Сашка и робко поинтересовался: — Ты нас в район везешь?

— Нет, в Америку! На конкурс «Мистер Стальной Кулак»! — опередил меня Сева.

Я тронула его за плечо, и он замолчал.

— Везу! — ответила я. — Как ни крути, а поножовщина была!

— Так меня-то за что? — крайне удивился Сашка и погладил ладонь, перевязанную грязным бинтом. — Меня ведь Гришка пырнул. Я только защищался!

— Он тебя — ножом, ты его — табуреткой, — вздохнула я. — Какая разница, кто кого чуть не угробил? Вы ж не только друг на друга кидались, но и на окружающих. На счастье, вовремя вас связали. Был бы труп, была б другая песня.

— Так не было же трупа! — дружно взвыли дебоширы.

— Слава богу! — столь же дружно откликнулись я и Сева.

Я покосилась на Сашку. Он виновато улыбнулся и, жалобно шмыгнув носом, попытался вытереть его ребром ладони. Но это у него плохо получилось.

Тогда я сняла с него наручники.

— Спасибо! — Сашка снова улыбнулся и потер запястья.

Я промолчала. В солнечных лучах задержанные мужики выглядели совсем уж неприглядно. Одежда — грязная, измятая, физиономии заросли щетиной, а дух — дух такой, словно после газовой атаки...

Наша машина тем временем выехала на асфальт, и теперь ее не трясло и не покачивало. К райцентру ведет приличное шоссе. Хотя езды до РОВД осталось на полчаса, я откинулась головой на спинку сиденья, закрыла глаза и, кажется, задремала.

ГЛАВА 2

Привел меня в чувство звонок мобильного телефона. Слава богу, Севиного — звонки на мой мобильник обычно ничего хорошего не сулят. Чаще всего меня тревожит начальство. Ему, известно, тре-

буется от подчиненных одно: хорошие показатели в борьбе с преступностью. Недавно начальство и вообще решило известить под корень преступность на вверенном мне участке и превратить его в образцово-показательный. Естественно, моими трудами.

Я, конечно, отвлеклась на мысли об утопических планах отцов-командиров, но все же невольно прислушивалась к тому, что говорил Сева. Впрочем, особой нужды прислушиваться не было: дорога позволяла Севе крутить баранку левой рукой, а правую он прижал к уху и восторженно орал в трубку:

— Откуда вы нарисовались? Сто лет вас не слышал, не видел!

Пара секунд ушла на то, чтобы невидимый собеседник что-то ответил, отчего Сева и вообще захлебнулся от восторга:

— О чем разговор, Олег Матвеевич! Обязательно встречу! Я тут недалеко! С делами управлюсь, и — на станцию. К поезду успею. В войсках дяди Васи командиров не забывают!

Он выключил телефон и поймал в зеркале заднего вида мой взгляд.

— Мария! — Сева радостно прищурился. — Слышала? Комбат мой приезжает! Рыбку половить, по горам побегать. Эхма! — Он энергично растер затылок свободной рукой. — Ох, и погуляем мы!

— Комбат? — удивилась я. — С чего вдруг он тебя вспомнил? Столько лет прошло! И как нашел?

— Ну, Маша — радость наша, — покачал головой Сева. — Все криминал ищешь? Я ж в ВДВ служил, а там все друг другу братаны!

— Он что, на поезде приезжает? — спросила я, не понимая, что меня так взволновало. И не просто взволновало — встревожило. Моя ли забота, кто приезжает к Севе в гости? Тем более гость — мужчина, а не женщина. Интересно, какие б чувства я

испытала, если бы женщина? Я на минуту задумалась, но Сева мое молчание воспринял по-своему.

— Будь спокойна! — сказал он бодро. — Прикончишь свои делишки, и заскочим на вокзал. Часа тебе хватит?

— Мне получаса хватит, если начальство к себе не потребует, — проворчала я — так и не разобравшись, взволновал бы меня приезд Севиной женщины или нет. — А к вечеру мне нужно быть у Мордахина. Что-то ему в выходные не спится! Срочное дело, говорит.

Мордахин — глава сельской администрации и, скажу вам, форма, вернее, фамилия, как нельзя лучше соответствует содержанию. Я давненько, чуть ли не с первой минуты моего вступления в должность, пребываю с ним в контрах. И мои опоздания на совещания Мордахин воспринимает однозначно: как плевок в свою толстошекую физиономию.

Сева, видно, прочел мои мысли по глазам, потому что предложил:

— Позвони ему и скажи, что задержишься в райотделе. Он ведь в курсе, что ты должна определить этих орлов в «обезьянник»?

— В курсе! — буркнула я. — Но что ему стоит позвонить в отдел? Не хватало, чтобы он поймал меня на вранье!

— С каких пор ты боишься Мордахина? Скажи лучше, что запаadlo со мной ехать!

— Всеволод! — сказала я строго. — С чего вдруг я должна перед тобой отчитываться?

— Хотя бы потому, что на моей машине едешь и двух отморозков везешь...

— Ну ты осторожнее! Слова выбирай! — взъерепенился Гришка. — Какие мы отморозки? Мы что, убили кого или ограбили?

— Так лучше б ограбили! — в сердцах произнес Сева и резко вывернул руль, объезжая стадо коров,

возникшее на дороге. — Тогда б за вами «воронок» прислали!

— Между прочим, я не просила везти их в город, — пришел мой черед подняться на дыбы. — Сам вызвался!

— А кто б тебя, дуреху, повез? — добродушно усмехнулся Сева. — Свадьба в разгаре, все — пьяные в дымину. Или Мордахин твой разлюбезный?

— Всеволод, — произнесла я сквозь зубы, — останови машину! Как-нибудь сама справлюсь!

Сева язвительно хмыкнул, но машину не остановил.

— Мария, — тихо сказал Сашка, — не глупи! Не хватало, чтоб ты нас под конвоем вела. Позору не оберешься!

— О позоре нужно было думать, когда глаза водкой заливал, — парировала я.

— Пешком не пойду, — подал голос Гришка. — Нога болит.

— С чего вдруг? — усмехнулся Сева. — Отсидел, что ли?

— Куда там! — оживился Гришка. — Давеча у тещи с крыльца сходил, а там ступенька гнилая, вот и грохнулся. С той поры нога как не своя, все время подворачивается.

— Эх, Гриша, Гриша! — преувеличенно тяжело вздохнул Сева. — У тебя по жизни все подворачивается!

Впереди показалось длинное кирпичное здание, возле которого, несмотря на воскресенье, стояли с пяток автомобилей с синими милицейскими номерами.

Гришка и Сашка вмиг словно уменьшились в росте и замолчали. А Сева весело воскликнул:

— Приехали, господа хорошие! Выгружайся! — и посмотрел на меня: — Тебя ждать или как?

Мне очень хотелось ответить: «Или как!» — по-

тому что я крепко обиделась и за «дуреху», и за то, что он хоть и впервые, но упрекнул меня своей помощью. На самом деле не было особой нужды везти Гришку и Сашку ночью в город. Они вполне протрезвели бы и в моем чулане, а утром я вызвала бы машину из райотдела. Тут я вспомнила, почему все-таки согласилась на настойчивое Севино предложение и отправилась в райцентр. Ведь даже насущные проблемы, заботы, дела, обязанности, одним словом — ничто не могло заслонить мое желание снова увидеть Бориса.

Я вздохнула. Очень хотелось, чтобы Сева не понял, как мне тошно, ведь он то и дело бросал на меня взгляд в зеркало над головой. Похоже, за эти годы я научилась владеть собой и безмятежно произнесла:

— Подожди! Так и быть, встретим твоего комбата!

— Ну, спасибочки! — Сева прижал руку к сердцу. — С чего вдруг передумала?

— Неохота попутку ловить, — улыбнулась я в ответ.

Какой бы Севка ни был заразой, отношения с ним портить не стоит. Все-таки он единственный человек в округе, который никогда не отказывается помочь с машиной. Да и по мелочам сколько раз выручал! От Мордахина ведь не дождешься.

Сева остановил машину рядом с милицейской стоянкой. Я открыла дверцу и вышла. И тут же увидела Бориса, точнее, Бориса Михайловича Садовникова — начальника уголовного розыска нашего РОВД. Его «Волга» подкатила почти одновременно с «Нивой» и затормозила всего в паре метров. Первым делом Борис открыл дверцу машины и подал руку красивой женщине в светлом костюме. Своей жене. Я закрыла на мгновение глаза, чтобы не видеть эту сцену.

Верка, Верочка, Верунчик, теперь — Вера Нико-

лаевна Садовникова. Когда-то моя самая близкая подруга. А сейчас? Я тряхнула головой, чтобы не произнести слова, которые выкрикнула ей в лицо тогда, двенадцать лет назад, когда узнала об измене Бориса и предательстве подруги.

Не удостоив меня взглядом, супруги прошествовали в здание РОВД. Да и с какой стати им обращать внимание на простого участкового, тягловую лошадку милиции. Я, конечно, не подала виду, что это меня не на шутку задело. Никто во всем мире не должен знать, что эти двое когда-то сыграли со мной отвратительную шутку. В первую очередь они сами. У них своя жизнь, пусть здравствуют и наслаждаются на всю катушку. У меня — своя. Пусть не слишком счастливая и благополучная, но зато в ладах с собственной совестью.

Я одернула куртку, разгладила складку на юбке, провела ладонью по волосам и скомандовала двум помятым личностям, которые переминались с ноги на ногу возле «Нивы»:

— Руки за спину и шагом марш в дежурку!

Сева тоже вышел из машины и, облокотившись на капот, дымил сигаретой. Выглядел он, как всегда, здорово, словно не провел бессонную ночь за рулем автомобиля. Розовощекий, загорелый, косая сажень в плечах...

«Эх, Сева, Сева, — подумала я с тоской. — Знал бы ты...»

Но мысли свои не озвучила, потому как Севе не положено знать, о чем я подумала. В любом случае я не расскажу ему о своих переживаниях. Даже под самой страшной пыткой не сознаюсь, насколько мне порой одиноко и трудно.

— Подожди меня, — сказала я мягко и улыбнулась. — Я быстро!

Севины глаза радостно блеснули. Как мало нужно мужику, который питает к тебе теплые чувства.

— Да чего там! — расплылся он в ответной улыбке. — Делай свои дела, еще успеем! — И вдруг произнес скороговоркой, не обращая внимания на развесивших уши Сашку и Гришку: — Ты прости меня, а? За «дуреху» и за то, что машиной попрекнул. Мне не жалко, пойми! — Он прижал руку к сердцу. — Только не обижай! И не командуй!

— Посмотрим, — сказала я и перевела взгляд на своих подопечных. Они уже достигли крыльца и торопливо курили одну сигарету на двоих. — Кончай курить! — прикрикнула я на них.

Сашка, сделав судорожную затяжку, передал окурок Гришке. Тот обжег пальцы и выронил «бычок» на асфальт.

— Поднять «бычок»! Отправить по назначению! — приказала я.

Гришка поднял курившийся сизым дымком окурок и с сожалением пульнул его в урну.

— Мария Владимировна, — он льстиво улыбнулся, — может, решим все полюбовно? Мы вон с Шуриком все осознали. Надо будет, в дружину твою вступим. И с пьянкой, вот те крест, — он быстро перекрестился, — в один миг завяжем!

Я покачала головой:

— Мне ваши клятвы уже поперек горла...

Я не успела сказать все, что полагается в таком случае, так как дверь, возле которой топтались незадачливые героини криминальной сводки, внезапно распахнулась. Из нее вылетел чрезвычайно взволнованный Борис. Должно быть, случилось нечто из ряда вон. На ходу он натянул форменную фуражку, а под кителем я заметила оперативную кобуру. За ним выскочили двое оперативников в таком же возбужденном состоянии. Гришка и Сашка вовремя отпрыгнули в сторону. Я же слегка запоздала, и коллеги едва не смели меня с крыльца. Летевший последним грубо пихнул меня, выругался сквозь зубы

и на рысях ломанулся к служебной машине, подкатившей к «Волге».

Я пошатнулась, ухватилась за перила и оглянулась. Садовников в эту минуту вылез из своего автомобиля и что-то быстро говорил выбежавшим вслед за ним операм. Они успели забраться во вторую машину и, высунув головы в окна, с нетерпением выслушивали инструктаж начальства. Скорее всего, я права: в воскресенье почти весь состав нашего уголовного розыска редко переводят в боевую готовность. Разве уж какое ЧП.

То ли почувствовав мой взгляд, то ли по какой другой причине, Борис глянул в сторону РОВД. Понятное дело, он сразу определил, что я уставилась на него. В его глазах промелькнуло недовольство. Он скривился, точно я поймала его на чем-то нехорошем, и нырнул в «Волгу».

Настроение снова испортилось. И с какого перепуга мне вздумалось глазеть. Теперь будет думать, что я специально путаюсь под ногами, а у меня и в мыслях нет. Наоборот, постоянно борюсь с желанием увидеть его.

На долю секунды мне стало неприятно, что мой вид вызывает у него отвращение. Будь мы один на один, я бы нашлась что сказать. Но такой случай вряд ли представится, поэтому я молча проглотила обиду и открыла дверь, пропустив вперед Сашку и Гришку. Правда, переступив порог, с трудом перевела дыхание: оказывается, поймав взгляд Бориса, я забыла, что нужно дышать. От неожиданности всякое бывает.

Когда-то, юная и наивная, я мечтала полюбить героя. Борька подходил по всем статьям: красавец, спортсмен, за словом в карман не лезет... И все было прекрасно, пока на горизонте не появилась Веруна, с которой мы дружили с первого класса. Уверенная, пробивная, победительница по жизни...